СЕНТЯБРЬ

Это история исчезновения моей лучшей подруги. Того, как никто, кроме меня, не заметил этого исчезновения. И того, как никому не было дела до этого, пока ее не нашли... год спустя.

Я знаю, о чем вы подумали. Как может исчезнуть целый человек, тем более подросток, и чтобы никто не сказал ни слова? Допустим, если б в один ужасный день солнце взошло, а потом пропало с неба, кто-нибудь уж точно поднял бы тревогу, верно? Но, как говорит моя мама, не все вращаются вокруг одного и того же солнца. Я никогда не понимала значения этой фразы, пока Мандей не исчезла.

Вы ни за что не подумали бы, будто нечто подобное может случиться в Вашингтоне, городе, полном самых могущественных людей в мире. Никто даже вообразить не мог, что такое может произойти буквально на заднем дворе президента. Именно так думали мы, жители юго-восточной части Вашингтона, округ Колумбия. Если все твердят, что мы живем в тени государственной столицы, то как может одна-единственная пропавшая девушка перевернуть все вверх дном?

Мой врач утверждает, что я не должна больше об этом говорить. Но потом вышел подкаст, заново пересматривающий все произошедшее и ставящий это под сомнение. Кто-нибудь всегда способен увидеть ту или иную историю по-другому — как это бывает с розо-

вым цветом. Одни видят арбузный и фуксиевый, другие — коралловый и лососевый. Но в конечном итоге это оказывается старый добрый розовый.

Для меня эта история началась за день до первого дня учебы в восьмом классе. Нашего последнего года в средней школе — я думала, что это будет лучший год в нашей жизни...

Прежде

— Мам, ты не видела Мандей? — спросила я, едва выйдя из терминала в Вашингтонском национальном аэропорту имени Рейгана. Мои волосы все еще были заплетены в афрокосички, а кожа опалена южным солнцем до коричневого цвета.

— Ну ты даешь! Не могла хотя бы поздороваться сначала? Я тебя тоже все лето не видела, — хмыкнула мама, широко раскинув худые руки, и я радостно бросилась в ее объятия.

Каждое лето мама отправляла меня на два месяца в Джорджию к бабушке. Мы с Мандей обменивались письмами с забавными рисунками и статьями, вырезанными из газет, делились последними сплетнями и рассказывали друг другу, какую музыку слушаем сейчас. Но это лето было другим. Мандей так и не ответила мне ни разу. Без ее писем лето ползло медленно, словно сбежавшая из террариума черепаха. Я любила бабушку, но очень скучала по своей комнате, своему телевизору, а больше всего по Мандей.

Отражения огней мерцали в воде Анакостии[1], когда мы проезжали по мосту на авеню Мартина Лютера

[1] Анакостия — правый приток реки Потомак, протекающий в штате Мэриленд.

Кинга-младшего, а вдали виднелся бейсбольный стадион «Нейшнлс»[1]. Когда мы сворачивали на Гуд-Хоуп-роуд, я заметила старые плакаты, все еще висевшие на заброшенном здании на перекрестке: «Сохраним «Эд Боро»! Это наша община! Это наш дом!»

Мама заблокировала дверцы машины, напряженно выпрямив спину. Как истинная южанка, она никогда не чувствовала себя в безопасности в большом городе, хоть и жила здесь с моего рождения. Чтобы отвлечь ее, я рассказала про письма без ответа. Она пожала плечами, целиком сосредоточившись на управлении машиной, — вечером движение на дороге было очень плотным, — и пробормотала:

— Может быть, она просто не дошла до почты...

Но для меня это прозвучало как полная бессмыслица. Мы специально копили деньги и купили достаточно почтовых марок, чтобы нам хватило их на восемь недель разлуки. Моя бабушка не любила, когда дети играли с ее телефоном, а моя кузина постоянно занимала линию, болтая со своим парнем. Мандей знала, что я терпеть не могу писать, но мы обещали друг другу поддерживать связь, а обещание нельзя вот так просто взять и нарушить. Особенно если даешь его своей лучшей подруге, которую знаешь с первого класса.

— Я не знаю, Горошинка, — сказала мама, остановившись на светофоре возле винного магазина и нервно махнув рукой через окно машины кому-то знакомому. — Наверное, она была чем-то очень занята. Но когда она узнает, что ты вернулась, то наверняка сразу же примчится.

---

[1] Стадион команды «Вашингтон нейшнлс», выступающей в Главной бейсбольной лиге.

Зажегся зеленый свет, мама резко нажала на газ и спустя два квартала круто свернула налево к библиотеке Анакостии, потом направо, на улицу Ю-плейс. К нашему дому. Мы припарковались на улице. Я выскочила из машины, прихватив сумку с книгами, и бросилась к двери. Честно говоря, каждое лето у меня была надежда по возвращении обнаружить какое-нибудь чудесное преображение. Не то чтобы я не любила наш дом — мне просто нравились сюрпризы. Допустим, сбегая вниз по лестнице рождественским утром, я всегда ожидала увидеть свежий слой терракотовой краски на стенах, новый диван взамен бежевого набора мягкой мебели, кухонные приборы из нержавеющей стали вместо наших старых мельхиоровых или новые лестничные перила, которые не будут скрипеть, когда на них опираешься.

Войдя в дом и обнаружив, что ничего не изменилось, я бросила сумку и принялась звонить Мандей с телефона возле лестницы. Может, этим летом она была так занята присмотром за своими младшими братишкой и сестренкой, что не хватило времени написать мне... Какова бы ни была причина, я не хотела даже думать об этом: меня буквально разрывало на части от всего, что я хотела рассказать Мандей. Спустя один короткий гудок автоматический женский голос сообщил мне, что набран неверный номер. Я знала наизусть только два телефонных номера: Мандей и свой собственный.

— Детка, уже висишь на телефоне? — пропыхтела мама, затаскивая мой чемодан в дом. — Ты времени зря не теряешь...

— У Мандей телефон не работает.

— Наверное, забыли повесить трубку или сломали аппарат, — предположила она, запирая входную дверь. — А теперь иди и быстро найди свою расческу. Нам нужно что-то сделать с твоими волосами. Какой

кошмар! Я же говорила маме, чтобы она расплела тебе косички перед отъездом!

Я взбежала по лестнице, перескакивая через две ступеньки, и открыла первую дверь справа. Моя комната осталась в точности такой, какой я ее оставила, — в полном хаосе. Точнее, моя двуспальная кровать была аккуратно застелена темно-баклажановым покрывалом, а мои рисунки, музыкальные плакаты и кинопостеры, развешенные на сиреневых стенах, остались на месте. Но у меня не было времени убрать палатку, которую мы с Мандей сделали из старых простыней и диванных подушек, когда она ночевала у меня перед моим отъездом. Палатка все еще стояла под полкой возле окна, выходящего на задний фасад библиотеки через дорогу.

— Клодия! Быстрее! — раздался крик снизу.

— Иду, мам!

Я схватила расческу с белого туалетного столика, заметив, что на стуле лежат новая раскраска и набор карандашей. Должно быть, папа оставил их прежде, чем уехал доставлять очередную партию груза.

— Клодия, давай уже! Мы так до утра провозимся!

Остаток вечера мы с мамой занимались тем, что расплетали мои косички, потом мыли и выпрямляли волосы. Ближе к полуночи я наконец-то рухнула в кровать настолько измотанная, что даже не обратила внимание на бурчание в животе. Что-то явно было не так, но я не могла понять, что именно.

* * *

— Клодия! — раздалось на следующее утро из кухни. — Ты опоздаешь к первому учебному дню!

Каждый год повторялось одно и то же: мама хотела, чтобы я, как сумасшедшая, сбежала по лестнице и изу-

милась грандиозному завтраку в честь первого дня нового учебного года: блинчики, на которых сиропом была выведена улыбающаяся рожица, омлет с сыром, каша и говяжьи сосиски.

Поэтому пришлось подыграть ей. Я перепрыгнула через последние две ступеньки и вбежала на кухню, одетая в школьную форму и новые кроссовки. Меня уже ждал накрытый к завтраку стол.

— Сюрприз! — сказала мама, выскакивая из укрытия. Ее короткие каштановые волосы все еще были накручены на бигуди. Иногда на свету в этих волосах среди золотистых бликов начинали проступать серебристые.

— Спасибо, мам! — засмеялась я, плюхаясь на стул.

— Не могу поверить, Кло, что на следующий год ты пойдешь в старшую школу. Я уже такая старая!

— Мам, ты ведешь себя так, будто не старше меня.

Она усмехнулась и потрепала меня за щеку.

— Так с матерью не разговаривают... Ладно, Горошинка, быстро ешь свой завтрак. Ты же не хочешь опоздать в школу и заставить Мандей ждать тебя?

Мама знала, какие слова нужно подобрать, чтобы ускорить меня. Что я скажу Мандей, когда наконец-то увижу ее? Я имею в виду — как она могла молчать все лето?

— Мам, можно Мандей придет к нам сегодня после школы? — не отрываясь от поглощения блинчиков, спросила я.

Она засмеялась.

— А ты опять за свое! Хорошо, пусть приходит. Только... сначала загляни к мисс Пол, ладно?

Я уронила вилку на тарелку.

— По-моему, ты говорила, что можно больше не заходить в библиотеку после школы. Мне не нужна нянька!

— Не нянька, — с невинным видом возразила мама. — Просто я хотела, чтобы ты поздоровалась с ней. Ну, и нет ничего плохого в том, чтобы сообщить кому-нибудь, где ты сейчас. Хлебные крошки, Клодия. Никогда не повредит оставить дорожку из хлебных крошек.

— Мне не были бы нужны никакие хлебные крошки, если б у меня был мобильник, — пробурчала я, уткнувшись носом в свое согнутое колено.

Мама фыркнула.

— Послушай, я не собираюсь это снова обсуждать. Мы же договорились: у тебя появится мобильник, когда ты перейдешь в старшую школу. А теперь собирайся, пора идти.

Я повесила на плечо свой новенький школьный рюкзак — темно-синий с фиолетовыми завитками. У Манди был точно такой же, только ее любимого розового цвета. Мы купили их перед моим отъездом в Джорджию. Перед выходом из дома я позвонила Мандей еще два раза. На всякий случай. Ответа не было.

В первый день мама всегда подвозила меня до школы, взяв отгул в ветеранской столовой, где она работала. В эти часы ее наверняка там не хватало, и на кухне без ее руководства царил полный хаос. Но мама всегда говорила: «С ребенком у тебя есть только один шанс, так что попасть нужно точно в яблочко».

Мы доехали до чартерной школы[1] имени Уоррена Кента и заняли место в длинной веренице других машин, ожидавших своей очереди, чтобы высадить детей

[1] Чартерная школа — школа, которая получает государственное финансирование, но функционирует независимо от установленной государственной школьной системы, в которой она находится.

у ворот. Они вели в огражденный двор, где школьники собирались по классам перед первым звонком. Прижимая вспотевшее лицо к стеклу, я скользила взглядом по морю красно-синей клетчатой формы в поисках розового рюкзака, похожего на мой.

— Мам, я не вижу Мандей. — В моем голосе читалась скрытая паника. Мандей всегда приходила в школу первой, иногда за два часа до остальных учеников.

— Я уверена, что она скоро придет, — отозвалась мама из-за руля машины, с трудом вклиниваясь на крошечный пятачок у ворот. — Ну что, хорошего учебного дня, Горошинка. Не забудь позвонить мне, как только вернешься домой.

Лавина неуверенности буквально пригвоздила меня к сиденью. Я не могла выйти из машины, не увидев сначала Мандей. Без нее школа казалась нереальной, невозможной. И мысль о том, чтобы оказаться одной в этой толпе...

БИП! БИП! — раздался сигнал позади нас.

— А ну, заткнись! — рявкнула мама в окно, потом повернулась ко мне. — Горошинка, что случилось? Ты нервничаешь?

Когда она говорит таким протяжным, чуть гнусавым голосом, я чувствую себя младенцем в детском автокресле, а не девушкой, которая через год пойдет в старшую школу. Если я и дальше продолжу вести себя так, то мама никогда не перестанет обращаться со мной как с маленьким ребенком.

Я покачала головой.

— Ничего, мам, всё в порядке.

Раздался еще один сигнал, куда более раздраженный, чем первый. БИ-И-ИП! Мама закатила глаза и улыбнулась — моя бравада ее ничуть не обманула.

— Клодия, она наверняка придет. Мандей, скорее всего, просто опаздывает или что-то в этом роде. А теперь посмотри туда. — Она указала на школьный двор, где один из дежурных держал большую табличку с надписью «Восьмиклассники». — Видишь, твой класс вон там. Может быть, подождешь вместе с остальными и придержишь место для нее? Наверняка тебе будет приятно встретиться и с другими своими подругами, а?

Шеренга моих одноклассников — моих заклятых врагов — была длинной. В отсутствие Мандей мне буквально предстояло нырнуть в кишащую акулами воду... истекая при этом кровью. Мама не знала, что Мандей — моя единственная подруга.

— Ладно, — я тяжело вздохнула, на что получила мамину улыбку.

— А теперь поцелуй меня.

Отстегнув ремень безопасности, я перегнулась через спинку переднего сиденья и чмокнула ее в щеку. Мама крепко обняла меня за плечи одной рукой.

— Я очень тебя люблю. Хорошего первого дня в школе!

Обняв ее в ответ и не желая отпускать, я прошептала:

— Я тоже тебя люблю, — и выбралась из машины, приняв бесстрашное выражение лица, хотя дышать было трудно.

Школа имени Уоррена Кента была небольшой, примерно на тысячу учеников, но, собравшись все вместе, они гомонили как целый миллион. Визги дошколят[1] пронзали барабанные перепонки. Третьеклассники и четвероклассники носились кругами. Шестикласс-

[1] В американскую школьную систему обучения входят дошкольные классы — аналог детского сада.